

АВТОРСКИЙ ЛИСТ №4

Виктор Э. Бойченко

ПАНОРАМА ГОРОДА ДИТ

ВЛАДИВОСТОК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕРЕМША»
2024

УДК 82-1
ББК 84(2=Рус)6
Б77

Фотограф Сергей Кирьянов
Художник Максим Фёдоров (Инди)

Б77 Бойченко В.Э. Панорама города Дит / Виктор Э. Бойченко. – Владивосток: Издательство «Черемша», 2024. – 160 с. – (Серия «Авторский лист». №4).

ISBN 978-5-6048920-6-0

Возможность использовать груз исторических знаний – дат, событий, персонажей, терминов и прочего вербального исторического антуража для создания эффекта легкого фланирования собственных поэтических образов составляет особенность и оригинальную «суперсилу» поэзии Виктора Бойченко. Используя слова с историческими коннотациями, поэт выстраивает собственный мир образов, иногда сверхсовременных или даже опережающих исторический событийный поток. И, оказавшись в этой сконструированной поэтом «реке времени», мы обнаруживаем себя вне времени и пространства – наедине с «вечными вопросами». Именно временная вербализация образов, создает ощущение состояния «безвременности» порождаемых этой поэзией личных состояний читателя.

*Роман Иванищев – историк, концептуальный художник
(творческое объединение Hero4Hero)*

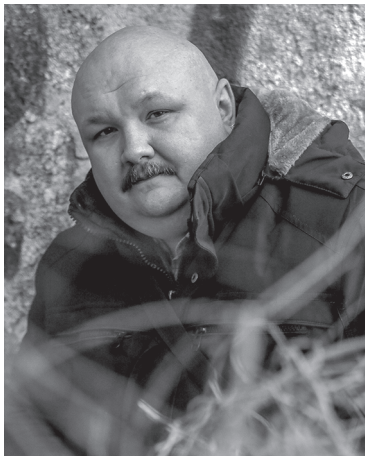
УДК 82-1
ББК 84(2=Рус)6

ISBN 978-5-6048920-6-0

9 785604 892060

© В.Э. Бойченко, 2024
© Издательство «Черемша»,
оформление, 2024

Виктор Э. Бойченко

Закончил ДВФУ в 2013 году по специальности «Религиоведение». Учитель истории и обществознания МБОУ «Школа №11» г. Владивостока. Писать начал ещё в школе города Лесозаводск, там же в местных сборниках и газетах были напечатаны ранние детские стихи. Помимо поэзии увлекается музыкой, пишет песни.

«Когда мне сказали,
что жизнь – игра,
я выбрал игру в слова.

...Но, если представить,
что жизнь – не игра,
то и сказано всё всерьёз»

Античное и иные древности

Письмо к Луцилию

Слишком быстро время летит,
Будто катится камень с горы,
Но ему ни за что не сломить волю Сизифа.
Ты пытался бежать на середину двора,
Но тебя запятнали, теперь ты – сифа!
И в кармане твоём не кресало, а «Зиппо».
Ты читаешь гневную речь против Филиппа...

Демосфен из тебя никакой.
Если хочешь, сравнись с ним судьбой,
Но и здесь сравнение не в твою пользу.
Не нажил ни друзей, ни врагов,
Испытал безразличие богов,
Теперь вечность броди по земле и бойся.
...Можно исправить всё, но уже слишком поздно...
И солнце глядит из-за туч пристально, грозно.

Я же хожу по земле и не торгуюсь с судьбой,
С нетерпением жду своё место в царстве Аида.
Через болезни и зной...
Через страдания и боль...
Не боюсь ни людей, ни чудовищ грозного вида,
И уже давно не боюсь ни рака, ни СПИДа.
Не трачу напрасно смех, не коплю обиду.

Смело на звёзды гляди,
Им с тобой по пути,
Если засело в груди чувство долга.
Лекарство против тоски –
Себя разрывать на куски.
Твой дух был заперт внутри слишком долго.
Теперь он летит на поклон к Высшему Богу,
И земное не сможет ему преградить дорогу.

Если вдруг грянет война
И порог твой зацепит она,
Я за тебя не страшусь, мой Луцилий.
Если же вдруг отберут
Письма и прочий мой труд,
Значит, в этом мире иная действует сила.
И в небе знамение нам ничего не сулило.
И не важно ни то, что грядёт,
Ни что уже было...
Особенно то, что грядёт.
Будь здоров!

Не сторож брату

Он проходит по сумеркам,
ослиную челюсть в руке держа,
в грубой одежде из шкур,
не выпуская свой прототип ножа,
обогрѣнного кровью брата. По склонам гор
он пробирается в сумерках, словно вор.

Из спутников только ворон, на лбу – печать,
на теле полно царапин, в глазах – печаль.
И хочется выть от страха, но не кричать
нужно среди животных, а лишь молчать.

Кто это? Не сторож брату идёт в ночи.
Перед ним склонят голову первые палачи.
И даже Ромул, с утра из постели встав,
скажет: «Его я видел в тревожных снах».

Не сторож брату заложит в пустыне град,
подальше от той земли, где закопан брат,
где его ни за что не найдут ни отец, ни мать,
там, где он сможет жить, а не существовать.

До крови сжимая мёртвую челюсть осла,
он себя презирает за переизбыток зла
в этом мире. Он знает: его тоска
не дороже для Бога вот этого вот песка!

Не сторож брату заложит в пустыне град,
подальше от той земли, где закопан брат.
Где его не накажут ни мать, ни отец, ни Бог
за то, что жертвы лучше, чем брат, он найти не смог.

Я вижу себя в одежде из шкур, с копьём,
Тяжело поднимающимся на холм.
Я взираю на мир, и весь мир – мой дом.

Мой взгляд простирается вдаль, вовне,
Мои зубы в мамонтовом волокне,
Слегка обжаренном на огне.

От молний деревья вспыхивали.
Потому дух огня благодарен нам ли,
Что мы, люди, дар его сберегли?

В пещере странный сородич Эй
На сводах священной стены своей
Рисует погибших на охоте людей.

Их память навечно теперь средь нас,
Эй что-то бормочет, впадая в транс,
И рисует, не размыкая глаз.

В поселении стайка моих детей,
Слушают мать, помогают ей.
Им рано ещё убивать зверей.